

Сергей Гогин

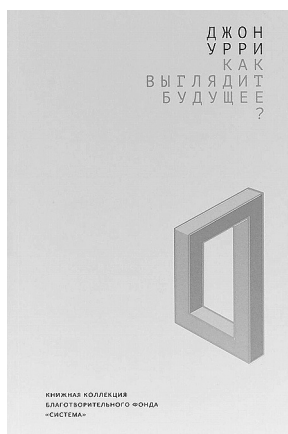
Будущее: можно ли избежать катастрофы?

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_735

Урри Дж. Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А. Матвеевко;
под науч. ред. С. Щукиной.

М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. — 320 с. — 2000 экз.

Мысль о том, что без прошлого и настоящего нет будущего, очевидна до банальности. Британский социолог Джон Урри в своей книге предлагает перевернуть эту формулу и посмотреть на нее как бы с другого конца, ибо «ожидания от будущего могут серьезнейшим образом влиять на настоящее» (с. 20). Если человечество хочет сохраниться как вид, то все сегодняшние социальные практики и даже отношения к прошлому должны сориентироваться на некий образ, или модель, будущего. В этой модели людям будет обеспечено относительно устойчивое и комфортное существование, даже если это означает управляемый «антирост», то есть уменьшение количества сжигаемого углеводородного топлива, производства товаров, а вместе с этим — сокращение материальных запросов. Тем самым настоящее должно зависеть от коллективно выработанного представления о будущем. Именно поэтому будущее в понимании автора — это прежде всего социальное будущее, то есть будущее не только рынков, машин и технологий, но и людей (государств и гражданского общества), способных договариваться о форме социального устройства и социальных практик.

Другая важная для Урри концепция связана с пониманием будущего как сложной социоматериальной системы — такой, в которой «власть имеет как материальную/техническую природу, так и социальную» (с. 98). И современные сложные системы, и те, что появятся в будущем, — это неразрывная совокупность экономических, физических, технологических, политических и социальных факторов. Внешне устойчивая система может утратить равновесие вследствие «эффекта бабочки» по Рэю Брэдли или взмаха крыла «черного лебедя» по Нассиму Талебу — значимого фактора, запускающего цепь синхронных процессов, перегружающих хрупкий мировой порядок и способных вызвать «крах каскадного типа» (с. 79). Одним из таких факторов является «структура чувств». Это по-

нятие ввел британский теоретик культуры Реймонд Уильямс, понимая под этим, кроме идеологии и мировоззрения, активное переживание множеством людей смыслов и ценностей в настоящем, или, другими словами, «практическое осознание настоящего в живой и взаимосвязанной непрерывности» (с. 59). Ориентируясь на «структуры чувств», пишет Урри, можно предвосхищать будущее в его длительной перспективе.

Современные размышления о будущем, как правило, пронизаны катастрофизмом. Когда в начале 2000-х гг. стало ясно, что «конец истории» по Фрэнсису Фукуяме не наступил и вряд ли наступит, появилось множество общественно-научных

трудов, рассматривающих катастрофические сценарии для человечества. Автор приводит названия десятков работ, описывающих разного вида катастрофы — из-за глобального потепления, мировых войн, дефицита нефти и воды, деградации правопорядка, краха финансовых и экономических систем и цивилизации в целом. Причем множество исследований указывает на то, что крах общества будет вызван, например, не падением астероида, а деятельностью самого человека вследствие каскадного обрушения взаимосвязанных систем, обеспечивающих биологическую жизнь. Как ни страшно это осознать, человек не является неизменной данностью, и исчезновение человечества возможно не только в фантастических романах.

Урри вместе с другими исследователями видит проблему в том, что «катастрофизм порождает фаталистическое отношение к будущему», тогда как пора «заняться активным планированием жизнеспособных альтернатив» (с. 85). Он предлагает не «пропустить будущее», о чем предостерегал Джон Кеннеди, вернуть его из сферы продвинутых технологий в сферу социальных наук. К этому нас обязывает долг перед будущими поколениями, у которых сегодня нет своего голоса, потому что они еще не родились. У потомков даже не будет возможности «выставить счет» предыдущим поколениям, «им остается лишь принять то, что достанется им в наследство» (с. 13).

Движимый этой ответственностью, Урри и написал книгу о будущем. Она отражает усилия, направленные на то, чтобы «предвидеть будущее, иметь четкое представление о нем и тщательным образом подготавливать его приход в самых разнообразных областях человеческой деятельности» (с. 9). Автор признает, что планировать будущее, может быть, и нельзя, но координировать его можно и нужно, а для этого «социальное будущее необходимо обсуждать» (с. 291) с демократических позиций.

Для описания социоматериальной системы будущего автор отсылает нас к теории сложных систем, посвящая этому целую главу. Сложные системы динамичны, непредсказуемы, нелинейны, между причинами и следствиями может не быть видимой связи, свойства таких систем возникают даже без внешнего управляющего воздействия, в «точке хаоса» система может перейти с одного пути на другой. Зависимость от предыдущего пути может сделать людей заложниками технологии, не являющейся необходимой, но от которой они не смогут уклониться. «Системы “парят” в состоянии самоорганизованной критичности, в котором значение имеет не усредненное поведение людей или институтов. Ключевыми здесь являются неожиданные, редкие явления, обладающие потенциально огромным влиянием на физические и/или социальные системы» (с. 117). Сетевая организация общества добавляет такой системе нелинейности, что осложняет моделирование будущего, потому что инновации, как пишет автор, реализуются не в мире предметов, а в умах людей. Последствия инноваций непредсказуемы и нередко вступают в противоречие с интересами инноваторов.

Формирование будущего требует ориентиров, поэтому автор описывает основные методы его прогнозирования: извлечение уроков из прошлого и предыдущих попыток описания будущего; изучение несостоявшихся вариантов будущего; рассмотрение антиутопий, которые служат предостережением для ныне живущих, и утопий как форм желательного будущего; экстраполяция, при которой один из ключевых элементов настоящего «фиксируется» в качестве основания для прогноза; сценарное планирование с учетом известных тенденций, основных источников перемен и вероятных закономерностей экономической и социальной жизни. Урри подробно рассматривает три глобальных сценария — и варианты будущего внутри этих сценариев, — связанных с изменением характера промышленного производства, жизни городов и глобальным потеплением.

Нынешнее массовое производство товаров является результатом двухсотлетней эволюции организованного капитализма. Но при любом уровне развития технологий производство было и остается «соприсутствующим», то есть в нем соединяются производитель, сырье и орудия производства. Сегодня в результате международного разделения труда и глобализации рынков разработка изделий происходит в основном на «глобальном Севере», их производство — на «глобальном Юге», а связь между производством и потреблением обеспечивает социоматериальная система под названием грузовой контейнер, который оказался «одним из важнейших компонентов “сборки” экономик, основанных на дешевом, низкоквалифицированном труде, дешевых энергоресурсах, слабых экологических требованиях и все более “свободной торговле”» (с. 160). 3D-печать способна изменить парадигму производства, считает автор, поскольку «размывает границы между идеями и объектами» (с. 161): виртуальные компоненты данных о веществе являются в атомах изделия. Уже говорят о «третьей промышленной революции», которая объединит «умные» материалы, 3D-принтеры и сетевые технологии. Персональный компьютер, открытый программный код, домашний или «коммунальный» 3D-принтер и запас расходного материала развернут производство от массового к индивидуальному, «по потребности». Автор рассматривает четыре возможные модели будущего на основе 3D-печати под следующими названиями: «Компьютерные фабрики на дому», «Местные производства», «Любительские ремесла» и «Только прототипы».

Следующая группа сценариев связана с будущим городов. К 2007 г. городские жители впервые в истории составили большую часть населения планеты. По прогнозам, к 2050 г. в городах будут проживать две трети населения Земли. Получается, будущее Земли — это будущее городов, которое неотделимо от использования энергии и автотранспорта. На заре массовой автомобилизации будущее городов виделось как автоутопия, которая со временем реализовалась как «автогеддон». Автор цитирует архитектора Ричарда Рождерса, который считает, что автомобили разделили повседневность на отдельные части — работу, магазин и дом, сыграли главную роль в разрушении сплоченной социальной структуры города, «привели к снижению качества общественных пространств и способствовали расползанию пригородов» (с. 194). Урри напоминает, что в США автомобильные, транспортные и нефтяные компании вступили в сговор, чтобы убрать трамваи с улиц американских городов. В 1930-е гг. они координировали усилия, создавали подставные фирмы, которые покупали трамвайные компании и закрывали их. С тех пор в американских городах доминирует бензиновый транспорт — к удовольствию «углеродного капитала».

Это доминирование создало несколько проблем: сокращение времени на личное общение вследствие персональной мобильности мешает активному участию в жизни общества и подрывает социальный капитал; автотранспорт поработочает городское пространство; изменяется «чувственный ландшафт» для человека-пешехода, интересы пешеходов имеют низкий приоритет; в автоавариях в мире ежегодно гибнет более миллиона человек; выхлопные газы загрязняют атмосферу, провоцируют болезни, вносят вклад в глобальное потепление; деловая активность городов зависит от цен на нефть. Поэтому одна из утопических концепций даже называется «город без автомобилей».

Урри рассматривает четыре сценария мобильности для городов. Сценарий «Город высокой мобильности» основан на той гипотезе, что люди большую часть жизни будут проводить в пути, отсюда — беспилотные авто, использование пространства над городами, космический туризм, развитие городов ввысь и даже вертикальное фермерство. Сценарий «Цифровой город» устраняет необходимость

физического перемещения предметов и людей, заменяя его цифровыми формами связи и впечатлений. Сценарий «Город, удобный для жизни» предполагает, что люди в нем будут «жить скромнее, плотнее, меньше пользоваться автотранспортом» (с. 227). Это приведет к снижению зависимости от углеродного топлива, остановит расползание городов вширь, вызовет к жизни «экономику совместного доступа», например каршеринг, электрический автомобиль вытеснит бензиновый, приоритет на дорогах получают велосипедисты и пешеходы. Сценарий «Город-крепость» — это Новое Средневековье: война за ресурсы, укрепленные анклавов для богатых и дикие территории для остальных, постоянная угроза конфликтов и насилия.

Последняя группа сценариев связана с глобальным изменением климата, которое объясняется деятельностью человека (эпоха антропоцена). Антропогенное глобальное потепление уже началось, об этом свидетельствуют научные данные, устанавливающие связь между колебаниями концентрации углекислого газа в атмосфере и колебаниями температур. Парниковый эффект работает: с 1880 по 2012 г. среднемировая температура увеличилась на 0,85 °C. Потери страховой отрасли от наводнений, бурь и штормов выросли в пять раз с 1980 г. Специалисты говорят о том, что нельзя больше извлекать ископаемое топливо в прежних объемах. Но сократить добычу топлива — значит отказаться от идеи экономического роста и перейти к «управляемому антиросту» как альтернативе ресурсоемкой западной модели капиталистического развития. Это переход к «низкоуглеродному гражданскому обществу» (с. 271) и к экономике, организованной вокруг природы.

Климатическое будущее, как видит его Урри, имеет четыре варианта. 1) При сохранении существующего положения вещей с ориентацией на экономический рост и рост ВВП, на все большее производство товаров и услуг при повышенном потреблении углеводородного топлива климатическая катастрофа неизбежна. 2) Сценарий антироста связан с рождением «низкоуглеродного гражданского общества», появлением социальных практик, способных снизить потребление ископаемого топлива. Это путь разумного и справедливого самоограничения потребностей. 3) Вариант экономического роста за счет экологической модернизации предполагает развитие экотехнологий в сферах возобновляемых источников энергии, транспорта и новых принципов утилизации отходов. 4) Масштабная программа геоинженерии, основанная на глобальной системе управления солнечной радиацией, способна привести к новым геополитическим конфликтам.

По прочтении книги создается впечатление, что будущее человечества — это опасное будущее. Во всяком случае катастрофических вариантов больше. Будущее само по себе является сложной системой, поэтому прогнозирование его сопряжено с неопределенностью. Актуальное изменение климата уже сейчас воспринимается как общемировой кризис, а кризис — это приглашение к срочным переменам, к модификации социоматериальных систем, к отказу от национального эгоизма, поскольку мир един и взаимосвязан. Результатом кризиса может быть и смерть пациента, и выздоровление. Урри оставляет надежду, что глобальный кризис, возможно, еще разрешим, — при условии, что человечество поумнеет и начнет координировать усилия.